

УДК 165.42

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-27-32

ОБЪЕКТИВНОСТЬ: РЕГУЛЯТИВНЫЙ ИДЕАЛ ИЛИ МНИМАЯ ЦЕЛЬ?

Соколова Татьяна Дмитриевна
— кандидат философских наук,
научный сотрудник. Институт
философии РАН. Российская
Федерация, 109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: sokolovatd@gmail.com

Статья представляет собой ответ на размышления А.А. Аргамаковой о роли объективности для исследований в области социальной эпистемологии. В своих рассуждениях мы отталкиваемся от определений объективности, приведенных в логическом словаре и философской энциклопедии, и выявляем теоретические затруднения, связанные с содержательным определением понятия «объективность». С точки зрения исследований в области социальной эпистемологии наиболее перспективным является подход к объективности как к набору научных практик. Однако отсутствие консенсуса в понимании того, каким именно способом следует определять объективность, делает невозможной постановку вопроса о разграничении субъективного и объективного элементов в познавательных практиках: субъективные факторы могут рассматриваться в качестве объективных составляющих научного исследования, в то время как объективность научных практик деконструируется и релятивизируется, то есть может быть сведена к субъективному.

Ключевые слова: объективность, деконструкция объективности, научные практики, социальная эпистемология

Цитирование: Соколова Т.Д. Объективность: регулятивный идеал или мнимая цель? // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 27-32. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-27-32

OBJECTIVITY: A REGULATIVE IDEAL, OR AN IMAGINARY GOAL?

Tatiana D. Sokolova — PhD in
Philosophy, researcher. Institute of
Philosophy, Russian
Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St., Moscow,
109240, Russian Federation;
e-mail: sokolovatd@gmail.com

The article is a response to Alexandra Argamakova's reflections on the role of objectivity for research in the field of social epistemology. In our reasoning, we start from the definitions of objectivity given in the logical dictionary and philosophical encyclopedia, and identify theoretical difficulties associated with an essentialist definition of the concept of objectivity. From the point of social epistemology view, the most promising way to approach objectivity is to define it as a set of scientific practices. However, the lack of consensus on the understanding of how exactly objectivity should be defined makes it impossible to raise the question of distinguishing between subjective and objective elements in cognitive practices:

subjective factors can be considered as objective components of scientific research, while the objectivity of scientific practices can be deconstructed and relativized, that is, can be reduced to the subjective.

Keywords: objectivity, deconstruction of objectivity, scientific practices, social epistemology

For References: Sokolova, Tatiana. 2022. Objectivity: a regulative ideal, or an imaginary goal?, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4): 27-32. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-27-32 (In Russian).

Перевод на русский язык книги «Объективность» Питера Галисона и Лорейн Дастон [Галисон, Дастон, 2018] вызвал в отечественной философии новую волну дискуссий, посвященных этой философской проблеме. Труд двух авторов, одного из которых часто причисляют к традиции французской исторической эпистемологии, а второго – к эпистемологии социальной, представляет собой попытку деконструкции понятия «объективность» в исторической перспективе. «Объективность не тождественна истине и достоверности и моложе их обеих» [Галисон, Дастон, 2018, с. 54], – справедливо утверждают авторы.

В предлагаемой к дискуссии статье «Объективность и метод социальной эпистемологии» А.А. Аргамакова предпринимает попытку ответить на важные не только для социальной эпистемологии, но и для всех дисциплин, предметом которых является познание, вопросы: «Как субъективные и объективные свойства знания сочетаются друг с другом и каким образом социальная эпистемология объясняет или должна объяснять это сочетание?» [Аргамакова, 2022, с. 9]. Сосредоточимся на первом вопросе. Противопоставление объективного идеала познания, к которому должен стремиться любой исследователь в своей работе, и субъективного «анти-идеала», единственная функция которого – вносить искажение в методологию и структуру познавательного процесса – давняя проблема в истории и философии науки. На первый взгляд, различие объективного и субъективного не требует большого труда и зафиксировано в любом толковом словаре, например: объективное – то, что присуще объекту вне зависимости от познающего субъекта, его воли, желаний, симпатий или антипатий, а также познавательных способностей [Ивин, Никифоров, 1997, с. 240]. Наука в этом несколько наивном толковании становится универсальным поставщиком объективных истин об объективной реальности, существующей безотносительно субъекта и его субъективных пристрастий. Наивным такой подход делает имплицитный постулат о действительном существовании внешнего мира, обладающего собственным набором свойств, независимым от познающего субъекта, его познавательных установок, методологий и инструментов. Даже если мы стоим на позициях широко понимаемого научного реализма и утверждаем, что научные теории описывают внешний

мир именно таким, каков он есть «на самом деле», такая трактовка отношения познающего субъекта к познаваемому им объекту представляется чересчур упрощенной.

Когда же мы обращаемся к дискурсивному знанию, то проблема усугубляется. Возьмем пример из уже приведенной словарной статьи: «Утверждение о том, что Земля вращается вокруг Солнца, было истинно и в те времена, когда в общественном сознании господствовала геоцентрическая система Птолемея и никто не считал это утверждение истинным» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 239]. Действительно, и во времена Птолемея солнечная система была устроена примерно так же, как и сегодня. Изменилось наше знание о ее устройстве, хотя денотат высказывания «Земля вращается вокруг Солнца» остался прежним. Действительно, некоторые концепции истины (например, корреспондентная) позволяют нам сделать вывод, что утверждение «Земля вращается вокруг Солнца» было истинным и во времена Птолемея. Другие же теории истины (например, когерентная) делают такой вывод если не невозможным, то по меньшей мере весьма сомнительным.

Так что же такое объективность и есть ли у нас возможность и теоретические средства для того, чтобы дать ей сущностное определение? Задаваясь аналогичными вопросами, авторы статьи «Научная объективность» в Стэнфордской энциклопедии выделяют четыре основных подхода к определению объективности: 1) верность фактам; 2) свобода от ценностей; 3) свобода от личных предубеждений; 4) практики научного сообщества [Reiss, Sprenger, 2020, web]. Однако прежде чем приступить к рассмотрению каждого из этих подходов, авторы предлагают следующее определение объективности: «Объективность – это ценность. Назвать вещь объективной означает, что она имеет для нас определенное значение и что мы ее одобряем. Объективность выражается в степени. Утверждения, методы, результаты и ученые могут быть более или менее объективными, и, при прочих равных, чем они объективнее, тем они лучше» [ibid., web]. Здесь мы имеем дело с попыткой эссенциалистского определения объективности, причем попыткой, отличной от определения в логическом словаре. Объективность в данном случае становится не только эпистемическим регулятивным идеалом, но и идеалом ценностным в значительно более широком смысле. Более того, этот идеал влечет за собой значимые социальные последствия, которые в свою очередь налагают требования на исследователей научной объективности: «Восхищение перед наукой среди широкой публики и авторитет, которым наука пользуется в общественной жизни, в значительной степени проистекают из представления о том, что наука объективна или по крайней мере более объективна, чем другие способы исследования. Таким образом, понимание научной объективности имеет централь-

ное значение для понимания природы науки и той роли, которую она играет в обществе» [ibid., web].

Мы полагаем, что именно четвертый подход к определению объективности – практики научных сообществ и их трансформации – представляет собой наиболее перспективное направление для исследований в русле социальной эпистемологии, как бы широко она ни трактовалась. Критерии объективности, присутствующие в научных практиках, не всегда учитывают имплицитно заложенные в них же идеологические, когнитивные или иные факторы, влияющие на «объективность» конечного продукта, то есть знания о том или ином сегменте реальности. Известный пример из области медицины – проблема с диагностикой ряда заболеваний у женщин, которая возникла из-за того, что основные исследования проводились на пациентах-мужчинах. В основе этой ошибки лежало убеждение, что если эти заболевания не касаются непосредственно половой системы, то они должны протекать одинаково как в мужском организме, так и в женском, а потому диагностироваться на основании одних и тех же признаков³. Выявление такого рода ошибок в медицинских практиках, стремящихся, как и любая наука, к объективности, были бы невозможны без феминистской исследовательской перспективы. В этом контексте те, кого А.А. Аргамачева в несколько пренебрежительной манере называет «охотниками до коллективных верований», в большей степени, нежели апологеты чистой объективности, что бы под ней ни подразумевалось, следуют эпистемической добродетели, требующей эксплицитного выражения базовых предпосылок своих научных исследований, какими бы они ни были. Такие исследователи скорее следуют принципу, сформулированному Элен Метцгер: «Я постулирую *a priori* то, что считаю истинным, и по мере возможности я это верифицирую» [Metzger, 1937, p. 209]. Эксплицитное выражение того, что могло бы оставаться неявным, на наш взгляд, в большей степени способствует стремлению к объективности, чем отсутствие этого выражения.

Однако, несмотря на все сказанное, мы склонны сделать неутешительный вывод: все определения, которые мы даем объективности, либо ничего содержательного о ней не говорят, либо описывают ее в качестве некоего абстрактного регулятивного идеала (или желательной, но не всегда достижимой нормы), которым научные дисциплины уже обладают, ведь именно объективность делает их научными, и к которому в то же самое время они стремятся. Отсюда можно сделать вывод, что объективность либо представляет собой своего рода динамическое равновесие, постоянно присутствующее в научных практиках, либо вовсе является мнимой целью и пустой концепцией. Это обстоятельство ставит под вопрос тезис об объективации субъективности. Если мы по-

³ Подробнее о причинах этих явлений см.: [Tuana, 2006].

смотрим на научные практики и то, как они описываются Дастон и Галисоном, мы увидим, что именно объективность релятивизируется и субъективизируется в зависимости от конкретной исторической эпохи, конкретных исследовательских практик или конкретных ученых. И в этом отношении мы действительно можем рассматривать субъективные элементы познания (такие как: индивидуальный выбор исследователями проблем, над которыми они работают, вопросов, на которые они пытаются искать ответы, методологий, которые они используют) в качестве объективных посылок для научных практик. И точно так же мы можем рассматривать объективность, релятивизируя ее основания. Вопрос о том, должна ли социальная эпистемология пытаться достигнуть объективности и элиминировать субъективность, таким образом, просто не может быть задан. Потому что для этого нет никаких теоретических оснований.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Дастон, Галисон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность / пер. с англ. Т. Вархотов, А. Писарев, С. Гавриленко. М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. 584 с.

Ивин, Никифоров, 1997 – *Ивин А. А., Никифоров А. Л.* Словарь по логике. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.

Reiss, Sprenger, 2020 – *Reiss J., Sprenger J.* Scientific Objectivity. In: E. N. Zalta (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/scientific-objectivity/> (дата обращения: 15.11.2022).

Tuana, 2006 – *Tuana N.* The Speculum of Ignorance: The Women's Health Movement and Epistemologies of Ignorance // *Hypatia*. 2006. Vol. 21. No. 3. P. 1-19.

Metzger, 1937 – *Metzger H.* La méthode philosophique dans l'histoire des sciences // *Archeion*. 1937. Vol. 19. P. 204-216.

References

Daston, L., Galison, P. *Objektivnost [Objectivity]*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018. (transl. in Russian)

Ivin, A., Nikiforov, A. *Slovar po Logike [Logic Dictionary]*. Moscow: Humanities publishing center VLADOS, 1997.

Metzger, H. “La méthode philosophique dans l’histoire des sciences” [The Philosophical Method in the History of Science], *Archeion*, 1937, vol. 19, pp. 204-216. (in French)

Reiss, J., Sprenger, J. Scientific Objectivity. In: E. N. Zalta (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2020. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2020/entries/scientific-objectivity/> (accessed on November 15, 2022).

Tuana, N. “The Speculum of Ignorance: The Women’s Health Movement and Epistemologies of Ignorance”, *Hypatia*, 2006, vol. 21, no. 3, pp. 1-19.

Поступила в редакцию: 22.11.2022

Принята к публикации: 07.12.2022